

УДК 82.09(=161.1)
ББК 83.3(=411.2)5/6,4

ВЛ. СОЛОВЬЕВ И РУССКАЯ КЛАССИКА В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКЕ

С.А. ГАРЦИАНО

Научно-исследовательский Центр сравнительной литературы MARGE,
Лионский университет им. Жана Мулена,
6 cours Albert Thomas, 69008 LYON, France
E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Проверяется гипотеза о наличии связи между идеями Вл. Соловьёва и критикой русской эмиграции. Рассматривается взгляд эмигрантских критиков на творчество Вл. Соловьёва и анализируются три темы: А.С. Пушкин и Вл. Соловьёв, М.Ю. Лермонтов и Вл. Соловьёв, Ф.И. Тютчев и Вл. Соловьёв. Дается сравнительная характеристика концепций и оценок, изложенных в критических статьях и эссе следующих эмигрантских авторов: Б. Зайцева, Л. Шестова, Вл. Топор-Рабчинского, Г.Адамовича, Ф. Степуна, Г. Флоровского, С. Франка, В. Андреева, П. Ставрова, Г. Мейера и др. Исследование проведено с использованием методов литературно-лингвистического анализа, сравнительного, поисково-выборочного, междисциплинарного и с привлечением значительного корпуса текстов эмигрантской периодики. Сделан вывод о том, что имя Вл. Соловьёва достаточно часто появляется на страницах эмигрантской периодики в 20–30-х годах XX века, оно является структурообразующим для эмигрантской литературно-философской критики. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что эмигрантская литературная критика прочно связывает имена Пушкина, Лермонтова и Тютчева, творчество которых уникальным образом соответствует философско-эстетической концепции Вл. Соловьёва, литературно-критическое наследие которого повлияло на восприятие и литературно-философское видение Пушкина, Лермонтова и Тютчева в эмиграции. Статьи Соловьёва о Пушкине и Лермонтове подвергаются суровой критике в зарубежной литературе; из трех статей о Пушкине в эмигрантской литературно-философской критике упоминается только первая соловьёвская статья о судьбе и гибели поэта. Статья Соловьёва о Тютчеве, напротив, трактуется достаточно хвалебно, как самая лучшая статья об этом поэте.

Ключевые слова: эмиграция, эмигрантская литературно-философская критика, Вл. Соловьёв и Пушкин, Вл. Соловьёв и Лермонтов, Вл. Соловьёв и Тютчев, философия и поэзия, Серебряный век, философское миросозерцание Тютчева.

VL. SOLOVYOV AND RUSSIAN CLASSICS IN THE CRITICAL WRITINGS OF EMIGRATION

SVETLANA GARZIANO

Jean Moulin University Lyon 3,
6 cours Albert Thomas, 69008 LYON, France
E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

In this paper we test the hypothesis of the association between the ideas of Vladimir Solovyov and émigré articles about the three great Russian poets of the XIX century. The paper describes émigré critics' opinions on Vl. Solovyov's work through classics of Russian literature. The article

focuses on three themes: Pushkin and Soloviev; Lermontov and Solovyev; Tyutchev and Soloviev. The report compares conceptions and estimates from critical articles and essays of the following authors: B. Zaytsev, L. Shestov, Vl. Topor-Rabchinsky, G. Adamovich, F. Stepun, G. Florovsky, S. Frank, V. Andreev, P. Stavrov, G. Meyer and other authors. Methods of literary and linguistic analysis were used, along with comparative analysis of texts, a search and sample method of working with cases and an interdisciplinary method of studying. A considerable body of émigré periodical texts was studied. This scientific work has produced a number of positive results. It has been concluded that Vl. Solovyov's name frequently appears on émigré periodical pages in the 20s and 30s of the XX century, and that it plays an important role in the émigré literary and philosophical criticism. These examples confirm that the literary-critical legacy of Vl. Solovyov ethically and aesthetically influenced the literary and philosophical vision of Pushkin, Lermontov, and Tyutchev in exile. Solovyov's articles about Pushkin and Lermontov are subjected to severe criticism in exile; of three of Soloviev's articles about Pushkin only the first one, about the fate and the death of the poet, is mentioned in émigré literary and philosophical criticism. Solovyov's article about Tyutchev, in contrast, is considered by emigration as the best text on this poet.

Key words: *emigration, émigré criticism, V. Soloviev and Pushkin, V. Soloviev and Lermontov, V. Soloviev and Tyutchev, philosophy and poetry, Silver Age, Tyutchev's philosophical worldview.*

*Соловьев – поэт в философии и философ в поэзии.
К.В. Мочульский. «Владимир Соловьев: Жизнь и учение» (1936 г.)*

Старшее поколение первой волны эмиграции вышло из эстетико-этической модели Серебряного века, поэтому неудивительно то пристальное внимание, которое уделяется Вл. Соловьеву на страницах эмигрантской печати: его имя довольно часто упоминается в периодике, мы находим его также в переписках и интервью, о нем пишут книги и статьи. В первом номере литературного журнала «Новый корабль»¹ за 1927 г. редакция так обозначает «свою родословную в истории русского духа и мысли»: «Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл. Соловьев – вот имена в прошлом, с которыми для нас связывается будущее» [1, с. 4].

Когда представители русской эмигрантской литературно-философской критики обращаются к творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева, они неизменно упоминают, в той или иной степени, имя Вл. Соловьева. Действительно, Вл. Соловьев как философ и поэт проявляет особое внимание к их творчеству. В своих статьях, посвященных этим поэтам, «Судьба Пушкина» (1897 г.)², «Особое чествование Пушкина. Письмо в редакцию “Вестника Европы”» (1899 г.)³, «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.)⁴, «Лермонтов» (1901 г.)⁵, «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895 г.)⁶ Вл. Соловьев предлагает собственное прочтение их философско-поэтических контекстов. Вот почему нам представляется небезынтересным на примере литературно-философской критики русской эмигра-

¹ Литературный журнал «Новый корабль» издавался в Париже (1927–1928 гг.) под редакцией Владимира Злобина, Юрия Терапиано и Льва Энгельгардта. Вышли в свет № 1–4.

² Вестник Европы. 1897. № 9.

³ Вестник Европы. 1899. № 7.

⁴ Вестник Европы. 1899. № 12.

⁵ Вестник Европы. 1901. № 2.

⁶ Вестник Европы. 1895. № 4.

ции проследить намеченные в ней связи: А.С. Пушкин и Вл. Соловьев, М.Ю. Лермонтов и Вл. Соловьев, Ф.И. Тютчев и Вл. Соловьев.

Три поэта прочно связаны в сознании русской эмиграции. Георгий Адамович в статье «Тютчев» (1938 г.)⁷ пишет о том, что лучшие стихи принадлежат Тютчеву, но что Пушкин и Лермонтов – величайшие русские поэты: «Может быть, лучшие русские стихи и принадлежат Тютчеву. Но Пушкин и Лермонтов остаются величайшими русскими поэтами» [2, с. 168]. В другой статье, «Лермонтов» (1939 г.)⁸, критик размышляет о взаимосвязи этих трех поэтов, о противостоянии Лермонтова Пушкину и связывает имя Тютчева с Вл. Соловьевым: «У Лермонтова поразительна в стихах интонация, поразителен звук, а вовсе не тот тончайший подбор слов, которыми пленяют Пушкин и Тютчев» [3, с. 86]. П. Ставров в статье «Вечный спутник» (1949 г.)⁹, сравнивая трех поэтов, уточняет, что поэтический дар познается в сопоставлении с вечными ценностями¹⁰. Об этом же пишет В. Зеньковский¹¹ в статье «Ф.И. Тютчев (1803–1873)» (1959 г.)¹². А стихотворение «Лермонтов» (1953 г.)¹³ Н. Туроверова начинается так:

Через Пушкина и через Тютчева,
Опять возвращаясь к нему, –
Казалось, не самому лучшему,
Мы равных не видим ему [6, с. 175].

В статье «К юбилею Тютчева» (1954 г.)¹⁴ Ю. Терапиано высказывает мнение, что русская поэзия зиждется на трех «китах», трех именах великих русских поэтов: «У нас есть много прекрасных поэтов, но почти каждое имя из них можно было бы пропустить, не уничтожив все-таки самого бытия русской поэзии. Только три имени – Пушкина, Лермонтова и Тютчева – из нее никак нельзя изъять: без них русская поэзия просто не существует, не о чем говорить как о подлинно значительном и великом» [7, с. 255]. Мы можем заметить из приведенных примеров, что представители эмигрантской литературной критики прочно связывают в своем эстетическом миропонимании имена Пушкина, Лермонтова и Тютчева.

Прежде чем обратиться к изучению эмигрантской литературно-философской критики, необходимо проанализировать видение эстетической концепции Соловьева в период Серебряного века, так как теоретическая база эмигрантской культуры, в общем, основана на философско-культурологической модели

⁷ Последние новости. Париж. 1938. 6 и 13 октября.

⁸ Последние новости. Париж. 1939. № 6840.

⁹ Новое русское слово. Нью-Йорк. 1949. № 13561.

¹⁰ См.: Ставров П. Вечный спутник // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 165 [4].

¹¹ См.: Зеньковский В. Ф.И. Тютчев (1803–1873) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир, Жизнь и мысль, 2008. С. 313 [5].

¹² Вестник РСХД. Париж – Нью-Йорк. 1959.

¹³ Русская мысль. Париж. 1953. 16 дек.

¹⁴ См.: Возрождение. Париж. 1954. № 31. С. 158–162.

этой эпохи. В книге «Владимир Соловьев. Жизнь и творения» (1904 г.) В.Л. Величко пишет о Вл. Соловьеве-поэте: «...по мотивам и, отчасти, по формам поэзии он принадлежит к духовной семье таких поэтов, как Фет, Тютчев, Алексей Толстой»¹⁵. Вспомним, что А. Блок в своей статье «Рыцарь-монах» (1911 г.) характеризует Соловьева как «благодарного ученика фетовской поэзии»¹⁶. В брошюре «Характер творчества Вл.С. Соловьева» (1909 г.) Э.Л. Радлов уточняет: «Его анализ пушкинской и лермонтовской поэзии показывает, что и в этой сфере он применяет тот же критерий нравственного вдохновения, и это потому, что этот критерий для него является всеобъемлющим и абсолютным» [10, с. 13]. Радлов объясняет то, почему Соловьев подчинял эстетику этике: объект искусства – красота, и красота спасет мир. Поэтому «красота и искусство оказываются все же средством к достижению безусловного и в связи с нравственным мировым порядком»¹⁷. В другой своей книге, «Вл. Соловьев. Жизнь и учение» (1913 г.), Радлов отмечает, что Соловьев не создал полную теорию эстетики, как он ее создал в этике («не дал полного систематического изложения эстетики»¹⁸). Но «общие взгляды на красоту и искусство» включены у Соловьева в различные произведения, которые можно разделить на три группы: теоретические сочинения об эстетических концепциях, статьи литературно-критического характера и философские стихотворения. Интересующие нас статьи занесены Радловым во вторую группу: одна статья о Лермонтове, одна статья о Тютчеве и три статьи о Пушкине. Из этих трех статей о Пушкине Радлов особенно выделяет статью о поэзии Пушкина: «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.).

Заметим, что К.В. Мочульский в книге «Владимир Соловьев: Жизнь и учение» (1936 г.)¹⁹ замечает, что Соловьеву не надо было писать отдельную книгу по теории эстетики, так как учение о красоте уже имплицитно включено в его общую систему²⁰, и называет эстетику Соловьева «первым и единственным учением о прекрасном»²¹ в русской культуре. Философ применяет свою эстетическую теорию к художественной критике. В 90-х годах XIX века он пишет статьи о поэзии, которые пробудят новое поэтическое сознание на рубеже XIX–XX веков. В своих литературоведческих статьях Соловьев боролся с натурализмом, утилитаризмом и с теорией «искусства для искусства». Он писал о высоком призвании и нравственном подвиге поэта, о пророческом значении творчества. Вот что Мочульский пишет об эстетической концепции Соловьева: «Соловьев утверж-

¹⁵ См.: Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб.: Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1904. С. 122 [8].

¹⁶ См.: Блок А. Рыцарь-монах // Вл.С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 385 [9].

¹⁷ См.: Радлов Э.Л. Характер творчества Вл.С. Соловьева. СПб.: Сенатская типография, 1909. С. 13 [10].

¹⁸ См.: Радлов Э.Л. Вл. Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1913. С. 213 [11].

¹⁹ Мочульский К.В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение. Париж: ИМКА-пресс, 1936.

²⁰ См.: Мочульский К.В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение // Вл. С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 800 [12].

²¹ Там же. С. 801–802.

дал, что смысл искусства не в идеях, а в чувственном выражении идей, и этим реабилитировал форму художественных произведений. Формальные искания символистов в его теории находили свое оправдание. Учением об одухотворенной материи он освобождал искусство от ложного спиритуализма и восстанавливал права «прекрасной плоти» [12, с. 802–803].

Литературный критик Ю. Айхенвальд в статье «Владимир Соловьев (Его стихотворения)» (1914 г.) пишет, что поэтический талант Соловьева был заслонен его исключительной философской одаренностью. Он так отзываясь о Соловьеве-поэте: «Но, не говоря уже о том, что от общей гениальности Соловьева вспыхивают искры и в отдельных его стихотворениях, они все, взятые в целом, представляют собою очень важную и характерную страницу его творчества, незаменимо дополняют его роскошную духовную трапезу» [13, с. 104].

Таким образом, по воспоминаниям современников, Соловьев, конечно же, больше философ, мыслитель, чем поэт. Но его поэтический дар дополняет, по своему, его философско-религиозные концепции.

Пушкин и Соловьев

В «альбоме признаний» Т.Л. Сухотиной на вопрос «Ваш любимый поэт» Соловьев отвечает: «Пушкин и Мицкевич»²². В примечании к «Пророку будущего» (1887 г.) он пишет: «Не скрою от читателя, что цель моего «Пророка» – восполнить или, так сказать, завершить соответствующие стихотворения Пушкина и Лермонтова» [15, с. 64]. А в примечании к «Трем свиданиям» (1898 г.) он ориентируется на поэтический пример Пушкина: «Приём нахождения рифмы, освященный примером Пушкина и тем более простительный в настоящем случае, что автор, будучи более неопытен, чем молод, первый раз пишет стихи в повествовательном роде» [16, с. 74]. Пушкин – любимый поэт Соловьева, поэтому, может быть, он применяет к нему более высокие требования. Эмиграция не может простить этому философу и символистам их отношения к Пушкину. Статья Соловьева о судьбе поэта не соответствовала мироощущению эмиграции, для которой Пушкин – это «наше всё», это всеобщий культ, на котором зиждутся все устои русского рассеяния.

Многие мыслители ставят вопрос о причинах гибели Пушкина. В статье «Пушкин в нашей душе» (1925 г.)²³ Б. Зайцев говорит об осуждении В. Соловьевым жизненной судьбы и смерти поэта: «... признавая все величие его поэтическое, Соловьев не одобрил гордыню Пушкина, приведшую к не-христианскому концу. Соловьев судил с высочайшей точки, многое имел для права так судить, и все же...» [17, с. 55]. В. Топор-Рабчинский в статье «Этическое сознание Пушкина» (1937 г.)²⁴ уточняет в сноске, чем была обоснована гибель Пушкина, и цити-

²² См.: Из «альбома признаний» Т.Л. Сухотиной // Вл. С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 53 [14].

²³ Дни. Берлин. 1925. № 686.

²⁴ Белградский Пушкинский сборник. Белград. 1937.

рует мнение Соловьева из статьи «Судьба Пушкина»: «Мы считаем, что гибель Пушкина была вызвана не столько “отделившейся от него стихией Алеко” (А. Григорьев), “великолепным бешенством” (Гершензон) и не моральным падением Пушкина до окружающей его среды (Вл. Соловьев. Судьба Пушкина. Собр. соч., т. VIII), но страстным реагированием на стремление его оскорбить и унижить как личность» [18, с. 238]. Е. Спекторский в статье «Пушкин» (1949 г.)²⁵, вновь возвращаясь к гибели Пушкина, цитирует Соловьева: «В своей парадоксальной статье “Судьба Пушкина” Владимир Соловьев заявил, что он “убит не пулею Геккерна, а своим выстрелом в Геккерна” и что, если бы он не был убит, “он жил бы только для дела личного душеспасения, а не для прежнего служения чистой поэзии“» [19, с. 300]. Г. Адамович в статье «Пушкин» (1950 г.)²⁶ пишет об ответственности за гибель поэта. Критик приводит точку зрения Соловьева, согласно которой ответственность за гибель поэта лежит на нем самом, в то время как сам он полагает, что виновато общественное мнение: «Нужна все-таки слишком безраздельная вера в мировую чепуху, над нами будто царящую, чтобы признать, что все произошло случайно, что явился какой-то офицеришка-француз, приволокнулся за женой поэта и, сам не понимая, что делает, застрелил его на дуэли» [20, с. 322–323]. По Адамовичу, значение смерти Пушкина как жертвы перевешивает значимость его творчества. Мочульский считает, что соловьевской литературной критике не хватает широты, объективности и интуитивности. В книге «Владимир Соловьев: Жизнь и учение» (1936 г.) он объясняет это тем, что Соловьев не смог освободиться от веяний своей эпохи. Поэтому Соловьеву трудно понять «судьбу Пушкина, личность Лермонтова, значение Ницше и символистов»²⁷.

Достаточно критически настроенный против Соловьева Л. Шестов пишет отдельное эссе «Пушкин и Вл. Соловьев» (1926 г.)²⁸. Он констатирует тот факт, что ни Толстой, ни Соловьев не любили Пушкина и враждовали с «доверием и любовью к жизни» поэта, первый – открыто, а второй – в тайне. По мнению Л. Шестова, Пушкину был дан поэтический талант Господом Богом, поэтому «Пушкин редко оглядывается назад, редко проверяет, допрашивает. И не потому, что мало думает»²⁹. Шестов порицает Соловьева за то, что он применил общие критерии к творчеству Пушкина, в то время как поэту присущи свои собственные уникальные критерии красоты и мысли: «Никто из русских писателей так напряженно не искал и так глубоко не задумывался над жизнью, как Пушкин, и Соловьев был, конечно, не прав, когда утверждал, что у Пушкина надо искать только красоты, а за мыслями следует идти в иные места. Только пушкинская мысль шла иными путями, чем обычная человеческая мысль, ибо она

²⁵ Возрождение. Париж. 1949. № 3.

²⁶ Речь на собрании Объединения писателей в Париже. Новоселье. 1950. № 42–43.

²⁷ См.: Мочульский К.В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение. С. 804.

²⁸ Дни русской культуры. Париж. 1926.

²⁹ См.: Шестов Л. Пушкин и Вл. Соловьев // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи / сост. М.Д. Филин. Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. С. 110 [21].

искала не того, что обычно люди ищут» [21, с. 110]. Затем Шестов высказывает предположение, что Соловьев недолго любил великого поэта именно за его донжуанство. По мнению философа, пушкинский Дон-Жуан – самая лучшая реализация этой литературной фигуры в мировой литературе. Далее Шестов размышляет о том, как бы Соловьев развернул сам эту тему: «Пожалуй, если бы ему самому пришлось взяться за эту тему, он бы о Дон-Жуане написал то же, что писал о самом Пушкине или о Лермонтове, что Дон-Жуан погиб по приговору доброй и разумной Судьбы или во исполнение воли Божьего Провидения, т. к. его нравственный уровень не соответствовал отпущенным ему природой дарованиям. <...> Верно, он бы так же и о пушкинском Моцарте рассудил: ведь Моцарт у Пушкина – “гуляка праздный”, прилично ли гению быть праздным, да еще гулякой? Все вероятия, что Соловьев так именно думал и о Моцарте, и о Дон-Жуане. Тот, кто ищет “оправдания добра”, тот, кто находит необходимым даже добро оправдывать пред кем-нибудь или пред чем-нибудь, вести его на какой-то суд – разве может иначе “мыслить”?» [21, с. 110–111]. Таким образом, Л. Шестов выводит спор с Соловьёвым за художественно-литературоведческие рамки, переводя его в философский ракурс и подвергая критике концепцию «оправдания добра». Шестов заключает, что есть разница между «мышлением» Пушкина и «мышлением» Соловьёва, и дает следующее логическое заключение: «И, затем, т. к. вся русская литература, точнее, все наиболее замечательные представители русской литературы, начиная с современников Пушкина, Гоголя и Лермонтова и кончая Достоевским, Толстым и Чеховым, шли по проложенным Пушкиным путям, то и у них нечего искать “мысли”. Соловьёв, подражая Платону, изгнал поэта из своего идеального государства и отвернулся от всего, что завещала России ее великая культура. Красоту он еще находил у поэтов, но за “мыслью” он пошел в иные места» [21, с. 111]. Шестов заканчивает свою статью полемической фразой: «Выгадал он от этого? Прогадал? И куда он пошел?» [21, с. 111].

В. Зеньковский следует логике Шестова. В статье «Пушкин (Из цикла “Философские мотивы в русской поэзии”» (1959 г.)³⁰ он пишет, что к творчеству Пушкина нельзя применять «теургический» критерий: «Пушкину были чужды и те мудрствования вокруг эстетической сферы, которые с легкой руки Вл. Соловьёва привели к ложной идее “теургического” понимания искусства, т.е. *подчинения* его приводящим извне религиозным задачам. Из этого развился туманный и двусмысленный русский символизм, преодоление которого с трудом далось русской мысли (у Бердяева и о. Булгакова)» [22, с. 342–343]. А Вячеслав Иванов в эссе «О Пушкине» (1937 г.) отмечает, что Пушкин не понял бы «теургической» концепции Соловьёва, как и не понял бы идеи Достоевского «красота спасет мир»: «Этот трезвый и по-эллински уравновешенный ум, этот талант, скорее склонный возделывать рай искусств, нежели раздвигать его пределы, не знал мечтаний об искусстве “теургическом”» [23, с. 187].

Отметим, что в статьях о Пушкине философы эмиграции высказывают более строгие суждения о Соловьёве, нежели эмигрантские литераторы.

³⁰ Вестник РСХД. Париж. 1959. № 54.

Лермонтов и Соловьев

В предисловии к сборнику о Лермонтове и русском зарубежье М.Д. Филин отмечает, что в эмиграции оказалось поколение, сформировавшееся под влиянием статьи Соловьева о Лермонтове: «Сформировались в том смысле, что приняли или, наоборот, отвергли глубокие интуиции мыслителя – но в любом случае не остались равнодушными, пропустили их через себя» [24, с. 9]. В 1935 г. в эмиграции Дмитрий Стремоухов пишет нижеследующее по поводу речи о Лермонтове, произнесенной в 1899 году, в период, когда пессимизм завладевает философом: «Si l'exemple de Pouchkine montre que la poésie la plus parfaite ne suffit pas à transfigurer réellement la vie, celui de Lermontov nous apprend que le génie peut être employé au mal et que la poésie peut devenir démoniaque»³¹ [25, с. 273].

Так же, как и в случае с Пушкиным, эмигранты, говоря о гибели Лермонтова, проводят параллель с гибелью Пушкина и цитируют Соловьева. П. Ставров в статье «Вечный спутник», сравнивая двух поэтов, отмечает, что вопрос («Господи, да что же это такое?»), который Пушкин задал себе перед смертью, сопровождал Лермонтова в течение всей жизни. Критик вспоминает мнение В. Соловьева: «Лермонтов судится с Богом, а Божью волю принимает как личную обиду» [4, с. 166]. В другом отрывке этой же статьи критик пишет о том, что гибель Пушкина была случайной, а смерть Лермонтова – предопределенной: «Гибель Пушкина воспринимается как чудовищная, слепая случайность. О смерти Лермонтова думается: “Иначе и быть не могло”» [4, с. 171–172]. Характеризуя черты лермонтовской поэтики, П. Ставров пишет: «Близорукий прозорливец Владимир Соловьев осудил Лермонтова, написав страшные, ужасающе несправедливые слова про этого “вундеркинда”, убитого на 27-м году жизни, оставившего после себя три увесистых тома; Соловьев сравнивает эротические стихи Пушкина с ласточкой, кружащей над болотом, не задевая его крылом, а подобные же лермонтовские стихи – с жабой, погрязшей в грязи этого болота. За бунтарство, богоборчество, за отсутствие христианского смирения Соловьев осудил Лермонтова на вечные муки» [4, с. 166–167]. Напомним, что В.Н. Ильин в статье «Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов)» (1932 г.)³² использует ту же самую выдержку из соловьевской статьи о Лермонтове: «Мучительная тяжесть непросветленной плоти Лермонтова была безобразным негативом его ангельского духа. Пользуясь выражением В.С. Соловьева, можно сказать, что она не порхала подобно ласточке, но уподоблялась «лягушке, прочно засевшей в тине». Здесь источник кошмаров Лермонтова и доступов к нему адских духов злобы, раздражительности и грубой чувственности, иногда находивших и стихотворное выражение» [26, с. 27]. Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что представители первой волны эмиграции досконально знали литературные тексты Соловьева.

³¹ Наш перевод: «Если пример Пушкина нам показывает, что самой лучшей поэзии недостаточно, чтобы по-настоящему преобразить жизнь, то из примера Лермонтова мы узнаем, что гений может быть плохо использован и поэзия может стать демонической».

³² Вестник РСХД. Париж. 1932. № 1.

В статье «Фаталист (к 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова)» (1965 г.)³³ Георгий Мейер обильно прибегает к цитатам из Соловьёва. Он перечисляет недругов Лермонтова: Мартынова, Николая I, издателей. Автор достаточно критически выражается по поводу соловьёвской статьи и выделяет из всех настоящих недругов Лермонтова одного Соловьёва: «Это он написал преисполненную дидактики и морали “христианскую” статью, в которой пытался доказать, что Лермонтов “попусту сжег и закопал в прах и тлен то, что ему было дано для великого подъема” и что, “облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает их привлекательными для неопытных”, и сознание этого теперь, после смерти поэта, “должно тяжелым камнем лежать на душе его”» [27, с. 228]. Мейер указывает, что, согласно точке зрения Соловьёва, Мартынов был лишь орудием кары за лермонтовский образ жизни и его демоническую поэтику. По мнению критика, Соловьёв отрицает в Лермонтове способность к любви и человечности. Отношение Мейера к Соловьёву неоднозначно, в одних и тех же предложениях он критикует и хвалит литературоведческие находки философа: «И все же в изуверской статье философа есть отдельные мысли о Лермонтове большой верности и глубины. Он первый назвал этого, во многом не разгаданного, поэта “русским ницшеанцем до Ницше”, определив таким образом одну из важнейших категорий русской души, корнями своими уходящую в глубь российских веков» [27, с. 229–230]; «...успевший до своей гибели поведать нам, по удачному выражению Владимира Соловьёва, свой “сон в кубе”» [27, с. 242–243]. Критик также останавливается на первопрородческих идеях философа: он первым упоминает о вещем духе Лермонтова и о его пророческом даре. Цитируя в конце статьи общее мнение современников Лермонтова, согласно которому от его личности веяло недоброй силой, Мейер заключает: «Так относились к Лермонтову почти все знавшие его. Но отсюда еще не следует, что он погиб для вечности, как предполагает Владимир Соловьёв. С таким предположением Достоевский никогда не согласился бы» [27, с. 245].

Второй вопрос, возникающий в эмиграции, – это метафизический подход к лермонтовской поэтике. Вячеслав Иванов в эссе «Лермонтов» замечает, что философ размышляет о природе поэтического дара поэта³⁴. К.И. Зайцев в статье «О “Герое нашего времени”» (1941 г.)³⁵ отмечает присущий символизму метафизический подход к изучению поэтики Лермонтова, а также цитирует Соловьёва: «Такое “метафизическое” понимание Печорина не должно удивлять в настоящее время, когда уже существует своего рода традиция, утвердившая оправданность подхода к Лермонтову как к явлению “сверхлитературному” (Мережковский, Блок, Розанов, отчасти Вл. Соловьёв)» [29, с. 114]. Заметим, что прот. Василий Зеньковский в статье «М.Ю. Лермонтов» (1960 г.)³⁶, говоря о том,

³³ Грани. Франкфурт-на-Майне. 1965. № 57.

³⁴ Написано в 1947 – 1948 по-итальянски, опубликовано в русском переводе в кн.: Иванов В. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель: Жизнь с Богом, 1987.

³⁵ В кн.: Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Харбин: Изд-во «Харбин», 1941 (Сер. Шедевры русской прозы).

³⁶ Вестник РСХД. Париж – Нью-Йорк. 1960. № 57.

что мятеж порождает новое мироощущение в лермонтовской поэтике, небезосновательно сравнивает образы Лермонтова у Соловьева и у Мережковского в статье «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908 г.). Далее Зеньковский характеризует русскую культуру с точки зрения персонализма и имперсонализма. К первому течению он относит Лермонтова, а ко второму – Тютчева и Соловьева: «... а что касается его поэзии, то в ней зазвучали впервые для русской души те *мотивы персонализма*, которым было дано пробудить драгоценнейшие движения в русской душе (как у Герцена, Достоевского, Бердяева). Есть в русской стихии мотивы и имперсонализма – мы их вскрыли уже в поэзии Тютчева; они тоже не случайны для русской души – Толстой, Соловьев, Франк заняты той же темой» [30, с. 189–190].

Как мы можем видеть, мыслители эмиграции, в основном, останавливаются на факте гибели Лермонтова и на метафизическом понимании его творчества и противопоставляют свои мнения идеям Соловьева, высказанным им в его статье о Лермонтове.

Тютчев и Соловьев

В литературно-философской критике русской эмиграции было отмечено не только открытие поэзии Тютчева В.С. Соловьевым, но и дан анализ философского мирозерцания поэта.

В сноске к статье «Космическое чувство в поэзии Тютчева» (1923 г.)³⁷ С. Франк в одном предложении критикует и хвалит известную статью Соловьева: «Тенденцией вложить в поэзию Тютчева слишком отвлеченно и доктринально выраженное философское мирозерцание страдает известная статья Вл. Соловьева, которая образует ценное начало в изучении духовного богатства поэзии Тютчева» [31, с. 41]. В тексте «Тютчев» Г. Адамович оспаривает тот факт, что Соловьев первым открыл этого поэта. По мнению критика, философ дал первое верное и глубокое истолкование творчества поэта, приведшее к его общему признанию, и первым назвал Тютчева «певцом хаоса»: «Владимир Соловьев как бы подвел основания под голословные утверждения. После него престиж Тютчева стал бесспорным, общепризнанным, чего не было раньше» [2, с. 162]. Борис Зайцев в статье «Тютчев. Жизнь и судьба (к 75-летию кончины)» (1949 г.)³⁸ уточняет, что читатели не знали Тютчева до соловьевской статьи, до 90-х годов XIX века. Символисты переняли идеи Соловьева и перенесли их в XX век. Соловьев открыл Тютчева как «поэта философского и мистического прозрения»³⁹.

Вадим Андреев в юбилейной статье «Ф. Тютчев (1803–1873)» (1928 г.)⁴⁰ очень подробно останавливается на значении идей Соловьева. В. Андреев считает, что

³⁷ Из кн.: Франк С. Живое звание. Берлин: Обелиск, 1923.

³⁸ Возрождение. Париж. 1949. № 1.

³⁹ См.: Зайцев Б. Тютчев. Жизнь и судьба (к 75-летию кончины) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 249 [32].

⁴⁰ Воля России. Прага. 1928. № 12.

именно Соловьев открыл гений Тютчева русской общественности, до него поэт был известен лишь в небольшом кругу литераторов. Андреев отмечает, что Тургенев не смог раскрыть сущности поэтики Тютчева, для этого нужен был гений Соловьева. Но и Соловьев не смог до конца осознать потусторонность творчества поэта посредством критериев хаоса и бездны. Далее Андреев констатирует тот факт, что до 1895 г. о даре Тютчева говорили Некрасов, Тургенев и Фет, но они не объясняли природу его творчества. Это объяснение дал Соловьев: «Соловьев с ясностью и вдохновением “изложил” мирозерцание открытого им поэта»⁴¹. Критик пишет, что влияние соловьевской статьи продолжается, и отныне Тютчев воспринимается через призму соловьевских идей. Он отмечает одну важную особенность в статье Соловьева, которая состоит в том, что философ несознательно осуществил подмену; он подменил поэтическую глубину Тютчева своей собственной философской глубиной: «Эта подмена произведена бессознательно и, конечно, от любви критика к поэту. Нельзя даже сказать, что Соловьев допустил какие-либо грубые ошибки, говоря о Тютчеве. Статья и в целом, и в деталях, – интересна, глубока, вдохновенна. Но какой-то не сразу уловимый налет соловьевского оптимизма прихорашивает поэзию Тютчева. Своим, соловьевским, знанием, своей религиозной верой критик поделился с любимым поэтом, не умалив его этим, но исказив» [33, с. 99]. Далее Андреев высказывает несогласие с некоторыми соловьевскими интерпретациями тютчевской поэтики. Он настаивает на разнице роли хаоса в концепциях Тютчева и Соловьева: «Вся история для Соловьева – процесс непрерывного осуществления Божественной правды на земле. Он твердо верит, что рано или поздно здесь настанет Царство Божие, победа света над тьмой. Блистательная схема знаменитого философа о борьбе хаоса и космоса низводит хаос до роли какого-то фона, какой-то низшей силы, которая обречена, волнуясь и прорываясь наружу, всего лишь подчеркивать, усиливать по контрасту светлую организующую силу космоса» [33, с. 99]. В то время как тютчевские стихи, согласно В. Андрееву, подчинены другому мировоззрению: хаос в них – главенствующая сила в мире, свидетельствующая о бессмысленности человеческого существования. Сравнивая двух мыслителей, Андреев противопоставляет «ночную (сильнейшую) сторону тютчевской лирики» «стройной и оптимистической философии Соловьева»⁴².

В статье «Тютчев и Владимир Соловьев» (1933 г.)⁴³ Георгий Флоровский пишет о том, что Соловьева с Тютчевым сближает идея воссоединения церквей: «Империя и Папство... Папство спасется русской Империей, а Россия от воссоединенной Церкви получит новые силы. Это замысел Влад. Соловьева, – мы видим, он предвосхищен Тютчевым» [34, с. 134]. Вячеслав Иванов в стихотворении «Из «Римского дневника 1944 года»» (1962 г.)⁴⁴ связывает три имени очевидцев незримого: Тютчева, Фета и Соловьева:

⁴¹ См.: Андреев В. Ф. Тютчев (1803–1873) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 98 [33].

⁴² Там же. С. 103.

⁴³ Путь. Париж. 1933. № 41.

⁴⁴ Из кн.: Иванов В. Свет вечерний. Оксфорд, 1962.

Таинник Ночи, Тютчев нежный,
Дух сладострастный и мятежный,
Чей так волшебен тусклый свет;
И задыхающийся Фет
Пред вечностью безнадёжной,
В глушинах ландыш белоснежный,
Над оползнем расцветший цвет;
И духовидец, по безбрежной
Любви тоскующий поэт –
Владимир Соловьев: их трое,
В земном прозревших неземное
И нам предуказавших путь [35, с. 235].

Дмитрий Стремоухов также указывает на связь эстетических концепций трех русских авторов: «En tant que poète Soloviev a ressenti l'influence du symbolisme goethéen, de la muse mystique de Tiouttchev et enfin d'A.A. Fet-Chenchine qui peut être considéré comme son maître et qui corrigeait souvent ses poésies»⁴⁵ [25, с. 271].

В статье о Тютчеве «Жало в дух. Обморок веры живой (Место Тютчева в метафизике российской литературы)» (1954 г.)⁴⁶ Г. Мейер значительно меньше уделяет внимание Соловьеву, нежели в своем вышеприведенном тексте о Лермонтове. Здесь он настаивает на отвлеченном характере соловьевского литературного метода. Он пишет, что статья Соловьева не является ключом к поэзии Тютчева, как это принято считать: «Она, несмотря на очень детальные детали, слишком абстрактна, подчеркнута философична и в целом к творчеству поэта непосредственного отношения не имеет. Ее положения и выводы вырастают не как органическое продолжение и развитие тютчевского текста, они лишь кружатся около него, не касаясь его дышащей, трепетной ткани, не проникая в его живую и, как все живое, страдающую сердцевину» [36, с. 305]. Мейер заключает, что литературно-философская критика о Тютчеве, а также о Достоевском не учитывает специфику искусства этих двух авторов и видит в них «философов, писавших трактаты в стихах и романах»⁴⁷. В. Зеньковский в статье «Ф.И. Тютчев (1803–1873)» пишет о том, что поэт привлек Соловьева своей работой мысли: «Не этой ли работой мысли Тютчев и привлекал к себе сердца людей, мировоззрение которых было созвучно с мыслями Тютчева (Л. Толстой, Вл. Соловьев, Тургенев)?» [5, с. 314]. Он пишет также о том, что философ дает некоторым стихам поэта софиологическую интерпретацию, им не совсем свойственную.

⁴⁵ Наш перевод: «Соловьев как поэт воспринял влияние гетевского символизма, мистической музыки Тютчева и, наконец, Фета-Шеншина, который может считаться его учителем и который часто правил его стихи».

⁴⁶ Возрождение. Париж. 1954. № 32.

⁴⁷ См.: Мейер Г. Жало в дух. Обморок веры живой (Место Тютчева в метафизике российской литературы) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В. В. Кожина. М.: Русский мир, Жизнь и мысль, 2008. С. 305 [36].

Книга С.М. Соловьёва «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва», законченная в 1923 году, была опубликована в Брюсселе в 1977 году. С.М. Соловьёв, племянник Вл. Соловьёва, считает статью о Тютчеве одним из самых лучших соловьёвских текстов, в котором философ открыл монументальное значение творчества этого поэта: «В Тютчеве для Соловьёва важно и дорого то, что он не только *чувствовал*, а и *мыслил* как поэт, был *убежден* в объективной истине поэтического воззрения на природу» [37, с. 332]. С.М. Соловьёв также указывает на односторонний подход Вл. Соловьёва к исследованию творчества поэтов: «Можно было бы больше сказать о религиозности Лермонтова и много сказать о демонизме Тютчева и Мицкевича» [37, с. 382].

Таким образом, эмигрантская критика дает соловьёвской статье о Тютчеве в целом позитивные оценки: Соловьёва хвалят и критикуют, цитируют и используют его метафоры и образы.

Соловьёвские Пушкин, Лермонтов и Тютчев зримо и незримо присутствовали в русском зарубежье. В эмигрантской критике Пушкин часто сравнивается с Петром I, для русского зарубежья поэт является хранителем русской духовности и национальной сплоченности, Лермонтов противопоставляется Пушкину, его связь с Соловьёвым на втором плане, в то время как связь Тютчева и Соловьёва – самая главная в эмигрантской периодике. Помимо довольно частых обращений к теме «Соловьёв в литературной критике», эмиграция оставила отдельные статьи о Пушкине и Соловьёве, Тютчеве и Соловьёве, в то время как подобного рода сравнительных текстов о Лермонтове мы не нашли. Статьи Соловьёва о Пушкине и Лермонтове подвергаются суровой критике; из трех статей о Пушкине в эмигрантской литературной критике упоминается только первая соловьёвская статья о судьбе и гибели поэта. Статья Соловьёва о Тютчеве, напротив, трактуется эмиграцией как самая лучшая статья об этом поэте.

Участниками полемики, развернувшейся на страницах периодической печати по поводу концепций В. Соловьёва, стали, в основном, представители старшего поколения первой волны русской эмиграции, для которой в культурном и духовном самоопределении сакрализованной фигурой был Пушкин. В свете этих традиций, осмысление русской классической литературы у молодого поколения эмиграции пошло в двух направлениях. С одной стороны, значительная часть младоземигрантов, последовавших за идеями Г. Адамовича и Г. Иванова, сформировала свои творческие установки и программы, опираясь на фигуру Лермонтова⁴⁸ и ставя под вопрос значение Пушкина (Фельзен, Одоевцева⁴⁹ и др.). Трибуной этой группы был журнал «Числа»⁵⁰. С другой стороны, часть молодого поколения пи-

⁴⁸ См.: Рубинс М. Лермонтов и русское зарубежье, или Альтернативный канон русской классики // Мир Лермонтова / сост. М.Н. Виролайнен, А.А. Карпов. СПб: Скрипториум, 2015. С. 752–767 [38].

⁴⁹ См.: Witzak P. Танатологические мотивы в прозе Ирины Одоевцевой в контексте диалога с литературной традицией // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2014. № 7. С. 153–162 [39].

⁵⁰ См.: Летаева Н.В. Оппозиция «Пушкин – Лермонтов» на страницах журнала русского зарубежья «Числа» // Вестник Новгородского Государственного Университета. 2015. № 84. С. 42–45 [40].

сателлей, объединившихся вокруг литературных теорий Ходасевича о Пушкине и о продолжении классической традиции русского стиха, образовала литературную группу «Перекресток». Для молодых поэтов и писателей, находившихся под влиянием Ходасевича, культ Пушкина остался незыблемым (Набоков, Берберова, Смоленский и др.). Но в этих литературных полемиках, проходивших в 30-е годы между младоэмигрантами и их литературными лидерами, литературно-критическое наследие Вл. Соловьева не нашло своего прочтения.

Таким образом, Владимир Соловьев является основополагающим философ-ом для культурфилософской рефлексии мыслителей и писателей старшего поколения русской эмиграции.

Список литературы

1. От редакции // Новый корабль. 1927. № 1. С. 4.
2. Адамович Г. Тютчев // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 162–175.
3. Адамович Г. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 82–89.
4. Ставров П. Вечный спутник // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 165–172.
5. Зеньковский В. Ф.И. Тютчев (1803–1873) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 313–324.
6. Туроверов Н. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 175.
7. Терапиано Ю. К юбилею Тютчева // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В. В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 255–263.
8. Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб.: Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1904. 208 с.
9. Блок А. Рыцарь-монах // Вл.С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 382–388.
10. Радлов Э.Л. Характер творчества Вл.С. Соловьева. СПб.: Сенатская типография, 1909. 18 с.
11. Радлов Э.Л. Вл. Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1913. 267 с.
12. Мочульский К.В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение // Вл.С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 556–829.
13. Айхенвальд Ю. Владимир Соловьев (Его стихотворения) // Силуэты русских писателей. Т. 3. Новейшая литература. Берлин: Слово, 1923. С. 104–106.
14. Из «альбома признаний» Т.Л. Сухотиной // Вл.С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 52–54.
15. Соловьев Вл. С. Пророк будущего // Вл.С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 63–64.
16. Соловьев Вл. С. Три свидания // Вл. С. Соловьев: pro et contra / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Бойков. СПб.: РХГИ, 2000. С. 70–76.
17. Зайцев Б. Пушкин в нашей душе // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи / сост. М.Д. Филин. Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. С. 55–60.
18. Топор-Рабчинский В. Этическое сознание Пушкина // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи / сост. М.Д. Филин. Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. С. 235–257.

19. Спекторский Е. Пушкин // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи / сост. М.Д. Филин. Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. С. 297–308.
20. Адамович Г. Пушкин // Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 320–323.
21. Шестов Л. Пушкин и Вл. Соловьёв // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи / сост. М.Д. Филин. Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. С. 110–111.
22. Зеньковский В. Пушкин (из цикла «Философские мотивы в русской поэзии») // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи / сост. М.Д. Филин. Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. С. 336–343.
23. Иванов В. О Пушкине // Современные записки. 1937. № 64. С. 177–195.
24. Филин М.Д. От составителя // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 5–14.
25. Strémooukhoff, D. Vladimir Soloviev et son œuvre messianique. Paris: Les belles lettres, Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg, 1935. 351 p.
26. Ильин В.Н. Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов) // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 20–30.
27. Мейер Г. Фаталист (к 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова) // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 224–245.
28. Иванов В. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 143–164.
29. Зайцев К.И. О «Герое нашего времени» // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 109–115.
30. Зеньковский В. М.Ю. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции / сост. М.Д. Филин. М.: Русский мир, 1999. С. 178–191.
31. Франк С. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 30–76.
32. Зайцев Б. Тютчев. Жизнь и судьба (к 75-летию кончины) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 236–254.
33. Андреев В. Ф. Тютчев (1803–1873) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 87–94.
34. Флоровский Г. Тютчев и Владимир Соловьёв // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 124–145.
35. Иванов В. «Из “Римского дневника 1944 года”» // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В.В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 235.
36. Мейер Г. Жало в дух. Обморок веры живой (Место Тютчева в метафизике российской литературы) // Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев: из наследия русской эмиграции / под ред. В. В. Кожина. М.: Русский мир; Жизнь и мысль, 2008. С. 279–312.
37. Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. 434 с.
38. Рубинс М. Лермонтов и русское зарубежье, или Альтернативный канон русской классики // Мир Лермонтова / сост. М.Н. Виролайнен, А.А. Карпов. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 752–767.
39. Wiczak P. Танатологические мотивы в прозе Ирины Одоевцевой в контексте диалога с литературной традицией // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2014. № 7. С. 153–162.

40. Летаева Н.В. Оппозиция «Пушкин – Лермонтов» на страницах журнала русского зарубежья «Числа» // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 84. С. 42–45.

References

1. Ot redaktsii [From the Editor], in *Novyy korabl'*, 1927, no. 1, pp. 4.
2. Adamovich, G. Tyutchev [Tyutchev], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. émigré Russia and Tyutchev : the heritage of Russian emigration], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 162–175.
3. Adamovich, G. Lermontov [Lermontov], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 82–89.
4. Stavrov, P. Vechnyy sputnik [The Eternal Companion], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 165–172.
5. Zen'kovskiy, V. F.I. Tyutchev (1803–1873) [F.I. Tyutchev (1803–1873)], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. émigré Russia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 313–324.
6. Turoverov, N. Lermontov [Lermontov], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration], Moscow: Russkiy mir", 1999, p. 175.
7. Terapiano, Yu. K yubileyu Tyutcheva [On the Anniversary of Tyutchev], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. émigré Russia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 255–263.
8. Velichko, V.L. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvoreniya* [Vladimir Solovyov. Life and Creation], Saint-Petersburg: Knizhnyy magazin A.F.Tsinzerlinga, 1904. 208 p.
9. Blok, A. Rysar'-monakh [The Knight-Monk], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl.S. Solovyev: pro et contra], Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 382–388.
10. Radlov, E.L. *Kharakter tvorchestva Vl.S. Solov'eva* [Vl. Solovyov's Nature of Creativity], Saint-Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1909. 18 p.
11. Radlov, E.L. *Vl. Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [V. Solovyov: Life and Teachings], Saint-Petersburg: Obrazovanie, 1913. 267 p.
12. Mochul'skiy, K. V. Vladimir Solov'ev: Zhizn' i uchenie [Vladimir Solovyov: Life and Teachings], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl.S. Solovyev: pro et contra], Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 556–829.
13. Aykhenva'l'd, Yu. Vladimir Solov'ev (Ego stikhotvoreniya) [Vladimir Solovyov (his poems)], in *Siluety russkikh pisateley. T. 3. Noveyshaya literatura* [Silhouettes of Russian Writers. Vol. 3. New Literature], Berlin: Slovo, 1923, pp. 104–106.
14. Iz «al'boma priznaniy» T.L. Sukhotinoy [From the «confessions album» of T.L. Sukhotina], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl. S. Solovyev: pro et contra], Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 52–54.
15. Solov'ev, Vl. S. Prorok budushchego [The Prophet of the Future], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl.S. Solovyev: pro et contra], Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 63–64.
16. Solov'ev, Vl.S. Tri svidaniya [Three Meetings], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl.S. Solovyev: pro et contra], Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 70–76.
17. Zaytsev, B. Pushkin v nashey dushe [Pushkin in our soul], in «*V krayu chuzhom...»*. *Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Stat'i. Ocherki. Rechi* [«In someone else's land...». Émigré Russia and Pushkin. Articles. Essays. Speeches], Rybinsk: Russkiy mir, Rybinskoe podvor'e, 1998, pp. 55–60.
18. Topor-Rabchinskiy, V. Eticheskoe soznanie Pushkina [Ethical consciousness of Pushkin], in «*V krayu chuzhom...»*. *Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Stat'i. Ocherki. Rechi* [«In someone else's

land...». *Émigré Russia and Pushkin. Articles. Essays. Speeches*], Rybinsk: Russkiy mir, Rybinskoe podvor'e, 1998, pp. 235–257.

19. Spektorskiy, E. Pushkin [Pushkin], in *«V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Stat'i. Ocherki. Rechi* [«In someone else's land...». *Émigré Russia and Pushkin. Articles. Essays. Speeches*], Rybinsk: Russkiy mir, Rybinskoe podvor'e, 1998, pp. 297–308.

20. Adamovich, G. Pushkin [Pushkin], in *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom], Moscow: Respublika, 1996, pp. 320–323.

21. Shestov, L. Pushkin i Vl. Solov'ev [Pushkin and Vl. Solovyov], in *«V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Stat'i. Ocherki. Rechi* [«In someone else's land...». *Émigré Russia and Pushkin. Articles. Essays. Speeches*], Rybinsk: Russkiy mir, Rybinskoe podvor'e, 1998, pp. 110–111.

22. Zen'kovskiy, V. Pushkin (iz tsikla «Filosofskie motivy v russkoy poezii») [Pushkin (From the cycle «Philosophical motives in Russian poetry»)], in *«V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Stat'i. Ocherki. Rechi* [«In someone else's land...». *Émigré Russia and Pushkin. Articles. Essays. Speeches*], Rybinsk: Russkiy mir, Rybinskoe podvor'e, 1998, pp. 336–343.

23. Ivanov, V. O Pushkine [About Pushkin], in *Sovremennye zapiski*, 1937, no. 64, pp. 177–195.

24. Filin, M.D. Ot sostavitelya [From the Editor], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. *Émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration*], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 5–14.

25. Strémooukhoff, D. Vladimir Soloviev et son œuvre messianique. Paris: Les belles lettres, Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg, 1935. 351 p.

26. Il'in, V.N. Pechal' dushi mladoy (M.Yu. Lermontov) [The Sadness of the Young Soul (Lermontov)], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. *Émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration*], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 20–30.

27. Meyer, G. Fatalist (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.Yu. Lermontova) [The Fatalist (On the 150th anniversary of Mikhail Lermontov)], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. *Émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration*], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 224–245.

28. Ivanov, V. Lermontov [Lermontov], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. *Émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration*], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 143–164.

29. Zaytsev, K.I. O «Geroe nashego vremeni» [About the «Hero of Our Time»], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: Iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. *Émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration*], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 109–115.

30. Zen'kovskiy, V. M.Yu. Lermontov [M.Yu. Lermontov], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: Iz naslediya pervoy emigratsii* [The Fatalist. *Émigré Russia and Lermontov: the heritage of the first emigration*], Moscow: Russkiy mir", 1999, pp. 178–191.

31. Frank, S. Kosmicheskoe chuvstvo v poezii Tyutcheva [Cosmic feeling in Tyutchev's poetry], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. *Émigré Russia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration*], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 30–76.

32. Zaytsev, B. Tyutchev. Zhizn' i sud'ba (k 75-letiyu konchiny) [Tyutchev. Life and Fate (the 75th anniversary of the death)], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. *Émigré Russia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration*], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 236–254.

33. Andreev, V.F. Tyutchev (1803–1873) [F. Tyutchev (1803–1873)], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. *Émigré Russia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration*], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 87–94.

34. Florovskiy, G. Tyutchev i Vladimir Solov'ev [Tyutchev and Vladimir Solovyov], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. *Émigré*

Russia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 124–145.

35. Ivanov, V. «Iz "Rimskogo dnevnika 1944 goda"» [From the «Rome Diary 1944»], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. ÉmigréRussia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008. 235 p.

36. Meyer, G. Zhalo v dukh. Obmorok very zhivoy (Mesto Tyutcheva v metafizike rossiyskoy literatury) [Sting in the Spirit. The Fainting of Living Faith (Tyutchev's Place in the Metaphysics of Russian Literature)], in *Tainnik Nochi. Zarubezhnaya Rossiya i Tyutchev: iz naslediya russkoy emigratsii* [Night Secret. ÉmigréRussia and Tyutchev: the heritage of Russian emigration], Moscow: Russkiy mir", Zhizn' i mysl', 2008, pp. 279–312.

37. Solov'ev, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [Life and Creative Evolution of Vladimir Solovyov], Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1977. 434 p.

38. Rubins, M. Lermontov i russkoe zarubezh'e, ili Al'ternativnyy kanon russkoy klassiki [Lermontov and Russia abroad, or alternative canon of Russian classics], in *Mir Lermontova* [The World of Lermontov], Saint-Petersburg: Skriptorium, 2015, pp. 752–767.

39. Witczak, P. Tanatologicheskie motivy v proze Iriny Odoevtsevoy v kontekste dialoga s literaturnoy traditsiyey [Motif of Death in Irina Odoyevtseva's Prose], in *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*, 2014, no. 7, pp. 153–162.

40. Letaeva, N.V. Oppozitsiya «Pushkin – Lermontov» na stranitsakh zhurnala russkogo zarubezh'ya «Chisla» [The opposition «Pushkin – Lemontov» in the magazine of the Russian Diaspora «Chisla»], in *Vestnik Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2015, no. 84, pp. 42–45.